

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАНО 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 г.

1904.

ЙОЛЬ.—АВГУСТЬ.—СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.

1904.

О Шведской могилѣ и капиталѣ Судиенка.

(По неизданнымъ архивнымъ даннымъ¹⁾).

ройдетъ еще пять лѣтъ, и настанетъ двухсотлѣтие со дня Полтавской битвы, событія, имѣвшаго большое значеніе въ исторіи русскаго народа. Думаемъ, что все, относящееся къ этому событію, имѣть интересъ. Въ настоящей статьѣ мы остановимся на заботахъ о Шведской могилѣ въ началѣ прошлаго вѣка и на пожертвованіи Судиенка.

Шведская могила отстоитъ отъ Полтавы въ пяти верстахъ. Это большой курганъ, гдѣ, при участіи самого Петра Великаго, погребены русскіе воины, павши въ Полтавскомъ сраженіи. Могила эта до начала прошлаго столѣтія не была предметомъ заботъ ни правительства, ни общества. Впервые на нее обратилъ вниманіе первый малороссійскій генералъ-губернаторъ князь А. Б. Куракинъ, установившій здѣсь совершеніе торжественной панихиды, 26-го іюня, наканунѣ дня самаго сраженія. Преемникъ его, князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій, пожелалъ устроить около могилы храмъ, о чёмъ и сообщилъ тому же самому князю Куракину, занимавшему тогда постъ министра внутреннихъ дѣлъ. «Случай довершения монумента Полтавской победы,—писалъ онъ,— (здѣсь онъ разумѣеть памятникъ, сооруженный въ Полтавѣ по случаю столѣтія битвы), позволяетъ заняться дать и самому мѣstu той уважительной печности, кою государь императоръувѣчиваетъ память

¹⁾ Составлено на основавіи дѣла архива Полтавскаго губернскаго правленія, по описи № 402, 1809 г., на 279 листахъ; въ дальнѣйшемъ изложеніи мы указываемъ страницы и листы изъ этого дѣла.

августѣйшаго предка своего, почему и нахожу нужнымъ представить нѣкоторыя мѣстныя соображенія и чертежъ предположенія исполнить удобнаго». Даѣе онъ предлагаетъ построить храмъ во имя св. Петра и Павла или Сампсонія, «яко патрона для той знаменитой баталіи», и при немъ домъ для инвалидовъ, на 25 человѣкъ, которые бы охраняли этотъ храмъ. На самой же могилѣ онъ предполагалъ поставить бронзовыи кресты, «ибо изъ преданіевъ извѣстно, что въ Бозѣ почивающій Петръ Великій, по совершеніи церковнаго обряда надъ павшими тѣлами, воздвигнуль тогда же собственноручно деревянныи крестъ». Желаніе князя не осуществилось. Оно совпало съ заботами правительства устроить въ Россіи нѣсколько инвалидныхъ домовъ. Эти дома предлагалось устроить въ Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ, Одессѣ, Черниговѣ и Курсѣ. Когда этотъ проектъ былъ поднесенъ императору Александру I, то онъ выразилъ пожеланіе устроить, взамѣнъ этихъ пяти городовъ, инвалидный домъ на Шведской могилѣ. Но это также не осуществилось, за недостаткомъ средствъ¹⁾.

На помощь князю, въ осуществленіи его благаго намѣренія, явился тайный советникъ Іосифъ Степановичъ Судіенко. Судіенко служилъ по почтовому вѣдомству и завѣдывалъ всѣми имѣніями и капиталами князя А. А. Безбородка, въ домѣ котораго онъ игралъ роль советника и друга. Дослужился онъ до чина тайного советника. Въ день своей коронаціи императоръ Павелъ пожаловалъ ему имѣніе въ Конотопскомъ уѣздѣ въ 600 дес., да самъ Безбородко, въ 1787 году, подарилъ ему шесть сель. Словомъ, это былъ очень богатый человѣкъ. Онъ пожелалъ помочь князю, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и высказалъ ему свое желаніе дать 50 тысячъ на постройку этого храма.

Князь Лобановъ-Ростовскій послѣшилъ увѣдомить объ этомъ князя Куракина. «Не будетъ оно (т. е. это пожертвованіе) препятствиемъ предположенію, при лучшей удобности, помѣщенію инвалидовъ, а созидатель удовлетворится въ благомъ намѣреніи своемъ общеполезнаго дѣла. Въ воздаяніе чего, если удостоится онъ получить единую строку, изъявляющую монаршее ему благоволеніе, почтеть себя счастливымъ». Получить монаршее благоволеніе желалъ самъ Судіенко, что и высказалъ князю. Товарищъ ministra внутреннихъ дѣлъ, О. П. Козодавлевъ, отвѣтилъ «что постарается сдѣлать все къ приведенію къ должностному окончанію столь богоугоднаго дѣла къ чести и славѣ соорудителя такого храма»²⁾. Судіенко получилъ желаемое. 1-го августа 1811 года онъ былъ удостоенъ слѣдующаго высочайшаго рескрипта:

«Господинъ тайный советникъ Судіенко.

¹⁾ Отношеніе отъ 28-го июня 1809 г., за № 2381.

²⁾ 9-го ноября 1810 г., за № 14861.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе отношенія къ нему малороссійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, довелъ до свѣдѣнія моего о желаніи вашемъ воздвигнуть собственнымъ вашимъ иждивенiemъ памятникъ съ церковью надъ курганомъ, близъ города Полтавы, на полѣ, где въ Бозѣ почивающимъ предкомъ моимъ, императоромъ Петромъ Великимъ, одержана надъ непріятелемъ побѣда. Столъ достохвальное намѣреніе ваше, съ пожертвованіемъ весьма значущаго капитала, сохранить память сей знаменитой для Россіи побѣды есть для меня пріятнымъ доказательствомъ примѣрной вашей къ отечеству преданности, исполняющей васъ толикою любовью къ пользѣ и славѣ онаго. И потому я особымъ удовольствиемъ поставляю себѣ удостовѣрить васъ черезъ сie въ совершенноть моемъ къ вамъ благоволеніи. Александръ»¹⁾.

Этотъ рескрипти Судіенка получилъ незадолго до своей кончины, остался имъ доволенъ и, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ его, пожертвовалъ еще 50 тысячъ, о чёмъ и заявилъ своему душеприкащику графу И. В. Завадовскому. Это пожертвованіе не вошло въ его духовную, которая была составлена въ 1808 году. Князь Лобановъ-Ростовскій, получивъ извѣщеніе отъ Судіенка о желаніи его пожертвовать на храмъ 50 тысячъ, предписалъ корунжему стародубскому получить ихъ отъ Судіенка, что онъ и сдѣлалъ. Деньги эти были помѣщены въ стародубскомъ казначействѣ. Завѣщанныя же другія 50 тысячи Завадовскій внесъ въ полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія²⁾. Такъ образовался капиталъ Судіенка въ 100 тысячъ, давшій возможность, хотя и поздно, но все-таки устроить храмъ на могилѣ.

Капиталъ этотъ въ 1812 году былъ отданъ на «подкрѣпленіе казеной цалатѣ» для покупки воловъ въ армію. Правительство ассигновало на этотъ предметъ 100 тысячъ, но деньги еще не были отпущены, а потому и было разрѣшено пользоваться капиталами приказа общественнаго призрѣнія³⁾. Въ 1831 году казна разсчиталась съ приказомъ, и все деньги были ему возвращены.

Проектъ храма былъ составленъ въ Петербургѣ архитекторомъ Стасовымъ⁴⁾. Но смыта его была слишкомъ велика. Стасовъ предполагалъ сдѣлать надъ могилой сводъ, большія арки, площадки, а также карнизы, и все это изъ гранита. Поль въ храмѣ долженъ быть мраморный. Помимо этого, Стасовъ предполагалъ поставить четыре статуи, а

¹⁾ Дѣло, стр. 16.

²⁾ 1802 г., № 804, л. 30.

³⁾ 12-го июня 1812 г. № 1207, л. 39, и № 241, л. 40.

⁴⁾ Василий Петровичъ Стасовъ (1769†1848) былъ придворнымъ архитекторомъ. Въ 1811 г. за планы и фасады храма на Шведской могилѣ былъ удостоенъ Академіею художествъ званія академика.

равно трофеи и фигуры въ барельефахъ изъ бронзы; надъ куполомъ крестъ съ глобусомъ изъ мѣди, съ позолотой черезъ огонь. Естественно, что такой проектъ требовалъ большихъ затратъ. По сметѣ Стасова необходимо было на это полмилліона. Этотъ проектъ понравился императору Александру, и онъ утвердилъ его, но, въ виду большой стоимости, предложено было другому архитектору Гваренги составить сметы, а Стасову повелѣно, «чтобы свою апробированную мысль привезъ только въ размѣръ проекта Гваренги». Всѣ эти проекты и сметы были отосланы князю Лобанову для соображенія, но князь Лобановъ медлилъ; это вызвало въ 1815 г. запросъ со стороны министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о постройкѣ храма. Началась переписка, при томъ очень долгая и осложнившаяся интереснымъ эпизодомъ. Князь Лобановъ въ своемъ отвѣтѣ министру писалъ, что онъ лично докладывалъ императору еще въ 1812 году, «дабы благоволилъ до начатія того дѣла разрѣшить испытать о той же матеріи мысль Гваренги, на что послѣдовало высочайшее соизволеніе, что ему отъ меня и сообщено; но были-ли тѣ бумаги ему представлены, осталось то мнѣ неизвѣстнымъ». Но министръ не признавалъ нужды въ томъ, чтобы спрашивать мнѣнія Гваренги о постройкѣ, и, въ свою очередь, спрашивалъ князя, для какой цѣли ему нужно было «знаніе мысли о семъ Гваренги и нужно-ли требовать отъ него отзыва»¹⁾. Но отвѣтъ на это пришлось дать уже преемнику князя Лобанова, князю Н. Г. Репнину. Князь Репнинъ иначе посмотрѣлъ на дѣло. Князь Лобановъ почему-то медлилъ, не хотѣлъ приступить ни къ составленію сметы стоимости матеріала, изслѣдованію грунта могилы и т. п., а князь Репнинъ вообще относился къ этому дѣлу равнодушно и не сочувствовалъ ему. Онъ началъ собирать справки, и оказалось, что плановъ, присланныхъ Лобанову, нѣть при дѣлахъ, а они остались у него. На запросъ ministra кн. Репнинъ могъ отвѣтить только въ сентябрѣ 1818 года, т. е. спустя два года послѣ того, какъ получилъ этотъ запросъ.

Лобановъ отвѣчалъ, что, согласно проектамъ, сдѣланнымъ архитекторами Гваренги и Стасовымъ, потребуется по крайней мѣрѣ втрое больше той суммы, какая была въ капиталѣ Судіенка. Но плановъ и чертежей кн. Лобановъ не прислалъ. Послѣ долгой переписки выяснилось, что кн. Лобановъ всѣ эти планы передалъ графу В. П. Кочубею. Это было уже въ 1827 году²⁾. Капиталъ же Судіенка возврѣсъ за это время до 200 тысячъ руб. асс. Конечно, вполнѣ возможно было построить храмъ и на эти деньги, но не по сметамъ и плану Стасова, гдѣ требо-

¹⁾ 21-го февраля 1816 г., л. 14.

²⁾ См. письмо отъ 11-го мая 1827 г.

вались гранитъ, бронза, чугунъ и т. п.; все же это приходилось въ то время привозить за сотни верстъ, а гранитъ съ далекаго сѣвера. Надо сказать, что князь Репнинъ въ это время былъ озабоченъ учрежденіемъ въ Полтавѣ кадетскаго корпуса, о чёмъ очень усердно хлопоталъ. На учрежденіе корпуса средствъ нужно было много; помимо пособій, полученныхъ отъ дворянскаго сословія, необходимы были еще средства на постройку зданія, квартиры для служащихъ. Князю Репнину пришла мысль испросить высочайшее повелѣніе употребить капиталъ Суденка на «устройство Полтавскаго кадетскаго корпуса», чѣмъ уничтожалась самая цѣль пожертвованія и нарушалась воля завѣщателя, которая должна быть священна для тѣхъ, кто принимаетъ пожертвованія. Но Репнинъ иначе смотрѣлъ на это и лично просилъ императора Николая I, чтѣ видно изъ его отношенія къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Закревскому. Репнинъ писалъ, что имъ «сдѣлано всеподданѣйшее представленіе и хотя его императорскому величеству благоугодно было изъявить словесно высочайшее свое соизволеніе на предположеніе, но предписанія по сему мною еще не получено»¹⁾). Въ ожиданіи отвѣта, князь Репнинъ ничего не предпринималъ, хотя и была образована въ Полтавѣ комиссія изъ семи человѣкъ съ предѣдателемъ Дьяковымъ²⁾ во главѣ, для разработки проекта, съемки плана мѣстности, изслѣдованія грунта и т. п. Отвѣтъ на ходатайство князя Репнина послѣдовалъ только въ мартѣ 1831 года. Императоръ Николай не согласился на предположенія Репнина, находя, что «это было бы несправедливо»³⁾. Надо замѣтить, что шелъ уже двадцатый годъ съ того времени, когда было принято пожертвованіе Суденка. Но министерство внутреннихъ дѣлъ все-таки продолжало запрашивать о ходѣ дѣла; запросилъ сначала управляющей министерствомъ Новосильцовъ, а затѣмъ и самъ министръ, графъ Блудовъ. Князь не замедлилъ отвѣтить, но теперь явился съ новымъ проектомъ, который, какъ и первый, не согласовался съ волею завѣщателя. Кн. Репнинъ находилъ, что капитала, пожертвованного Суденкомъ, недостаточно (его было въ то время 220 тысячъ), такъ какъ на постройку потребуется 500 тысячъ, да на покупку земли около могилы, для образования площади, нужны также средства, и безъ пособія правительства князь Репнинъ находилъ невозможнымъ исполнить волю завѣщателя. Сверхъ того, устройство самого храма князь находилъ неудобнымъ.

«Храмъ этотъ,—писалъ князь,—какъ отстоящій отъ Полтавы въ пяти верстахъ и нахожденіе храмовъ въ ближайшихъ къ оному селеніяхъ не только не можетъ имѣть прихода, но едва-ли найдутся и молель-

¹⁾ 6-го апрѣля 1829 г. № 1344.

²⁾ Дьяковъ былъ впослѣдствіи предѣдателемъ гражданской палаты.

³⁾ 1831 г. № 963, л. 126.

щики, развѣ въ храмовой празднікъ, съѣдовательно, для содержанія какъ храма, такъ и церковнослужителей для онаго, должно будѣтъ внести также капиталъ въ государственный кредитный установлѣнія. «По всѣмъ симъ уваженіямъ полагаю я,—заканчиваетъ князь,—не возможнымъ привести нынѣ въ исполненіе завѣщанія тайного советника Судіенка и составлять смѣту на будущее время безполезно, ибо цѣны на все необходимое измѣняются». Припоминая указъ Петра Великаго о построеніи, въ память Полтавской викторіи, мужскаго монастыря, князь Репнинъ предлагалъ,—думая, что этимъ будетъ выполненъ завѣтъ Петра,—употребить капиталъ Судіенка на улучшеніе Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря (находится въ чѣмъ-то мѣстѣ въ окрестностяхъ Полтавы), пристроивъ къ собору два придѣла, одинъ во имя свв. апостоловъ Петра и Павла, а другой во имя преподобнаго Сампсонія Страннопріимца (Петропавловскій монастырь и долженъ быть, по завѣту Петра, съ придѣломъ Сампсонія), а на самой могилѣ устроить чугунную вокругъ ея ограду, обсадить ее тополями, а при входѣ построить часовню отъ этого монастыря ¹⁾). Этотъ второй проектъ князя не былъ утвержденъ, такъ какъ явился нарушениемъ воли завѣщателя. Графъ Блудовъ отвѣчалъ князю, что, «при всей удобности и приличіи, вѣ можетъ быть приведено въ дѣйствіе» и предлагалъ сократить смѣту въ предѣлахъ имѣющихся средствъ и приступить къ постройкѣ храма ²⁾).

Самая постройка храма чѣмъ-то затормозилась, помимо несочувствія князя, эпизодомъ, который раскрываетъ намъ архивъ. И. С. Судіенко скончался 4-го декабря 1811 года, оставивъ большое состояніе въ ему воспитаннику, усыновленному повелѣніемъ Александра I и привившему фамилію Судіенко ³⁾). Въ годъ смерти Судіенка наследнику его было девять лѣтъ, и, понятно, нужна была опека по управлѣнію имѣніями. Духовнымъ завѣщаніемъ И. С. Судіенко опекунами малолѣтнаго назначилъ: графа В. П. Кочубея, своего благодѣтеля которому обязанъ былъ чинами, орденами и помѣстьями, графа И. А. Безбородка, князя Я. И. Лобанова-Ростовскаго и графа И. В. Завадовскаго. Но изъ этихъ четырехъ опекуновъ графъ Кочубей тотчасъ же отказался, графъ Безбородко скоро скончался (1815 г.); остались двое: кн. Лобановъ-Ростовскій и графъ Завадовскій. Наиболѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ управлѣнія опеки принималъ графъ Завадовскій, такъ какъ

¹⁾ 20-го мая 1832 г., № 2422.

²⁾ 1832 г., № 472, л. 152.

³⁾ Михаилъ Іосифовичъ Судіенко († 1872) служилъ въ кирасирахъ; въ 1827—28 гг. былъ адъютантомъ графа А. Х. Бенкendorфа; затѣмъ до 1835 г. находился въ отставкѣ; съ 1835 по 1841 г. былъ новгородъ-сѣверскимъ предводителемъ дворянства.

князь Лобановъ-Ростовскій занималъ до 1816 г. постъ малороссійскаго генераль-губернатора, а затѣмъ жилъ въ Петербургѣ, бывъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Князь Лобановъ, вскорѣ же по учрежденіи опеки, далъ полный просторъ въ управлѣніи Завадовскому «по всѣмъ случаюмъ, гдѣ ни залога, ни займа, ни продажи не оказывается нужнымъ»¹).

Въ маѣ мѣсяцѣ 1832 г. служившій въ канцеляріи князя Репнина Адріанъ Лантуховъ, бывшій секретаремъ у Лобанова-Ростовскаго, подалъ князю официальную бумагу, въ которой сообщалъ, что изъ сохранившейся у него «партикулярной переписки» кн. Лобанова-Ростовскаго съ гр. Завадовскимъ видно, что покойный Судіенко, за четыре днія до своей кончины, пожертвовалъ на Шведскую могилу еще сто тысячъ, сверхъ пожертвованныхъ имъ ранѣе. Вмѣсть съ этимъ Лантуховъ представилъ письмо, въ которомъ Завадовскій сообщалъ князю о смерти Судіенко, и записку на четвертушкѣ простой бумаги. Записка эта была безъ подписи, но впослѣдствіи, при дознаніи объ этихъ деньгахъ, ни наследникъ покойного Судіенко, ни сама опека не усомнились въ ея подлинности, а наследнику Судіенко, М. И. Судіенко, штабсъ-ротмистру лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка, конечно, было хорошо знакомъ почеркъ его опекуна, отъ котораго онъ лично принималъ наслѣдство въ 1827 году, когда ему исполнилось 25 лѣтъ. Да и сравнивая почеркъ этой записки съ подписью графа, нельзя усомниться, чтобы она была не подлинна. Приводимъ эту небольшую записку:

«Людей иѣкоторыхъ велѣть покойнику отпустить на волю, а про-
чихъ наградить деньгами. На Полтавскую могилу прибавилъ
еще сто тысячъ. Это оставляю исполнить до прїѣзду вашего сіѧ-
тельства въ Малороссію, ибо есть такого много, что должно рѣшить
съ общаго совѣта. Лошадей много есть, которыхъ, почитаю, и не нужно
держать до возраста наследника, то таковая статья требуетъ рѣшимости,
но все сіе удобнѣе будетъ на мѣрахъ положить въ прїѣздъ вашъ сюда.

«Зима настѣ не веселитъ, ибо частые дожди разстраиваютъ ону, какъ то
и сими днями великий дождь согнать и снѣгъ послѣдний. Суммы налич-
ной осталось полтораста тысячъ, кромѣ векселей; оные хранятся въ
цѣлости, кромѣ расходу на его поминовеніе, какову онъ особо отложилъ
и означилъ на расходы разныя»²).

Письмо Завадовскаго съ извѣщеніемъ о кончинѣ Судіенко и приложенная къ нему вышеприведенная записка были получены кн. Лобано-
вымъ-Ростовскимъ въ декабрѣ 1811 года; но князь отвѣтилъ графу

¹) Письмо кн. Лобанова-Ростовскаго, отъ 7-го мая 1812 года.

²) Л. 190 и слѣд.

только въ маѣ слѣдующаго года. Извиняясь за долгое молчаніе, чёмъ причиной было много дѣлъ, князь писалъ: «При какомъ объявленіи илличныя деньги отправлены должны быть въ Московскій опекунскій съвѣтъ, пріобщаю форму; дополнительный на церковь выслать должно въ здѣшнее общественное призрѣніе (т. е. въ Приказѣ), и то и другое чрезъ почту, ибо полупроцентныя за пересылку удобнѣе заплатить, ижели рисковать другою какою-либо сюда пересылкою оныхъ»¹⁾.

Князь Репнинъ, получивъ сообщеніе Лантухова, въ томъ же мѣсяцѣ донесъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ гр. Блудову, распорядившись въ то же время о производствѣ дознанія. Изъ опекуновъ въ это время въ живыхъ былъ только графъ В. П. Кочубей, который, какъ мы сказали выше, отказался отъ опекунства еще при учрежденіи самой опеки. На сдѣланый ему запросъ графъ Кочубей отвѣтилъ, что ему ничего неизвѣстно объ этомъ распоряженіи покойнаго Судіенка. Графъ Блудовъ предписалъ произвести тщательное дознаніе. «При всей неопредѣлительности сего случая,—писалъ онъ,—имѣя въ виду удостовѣреніе, заключающееся въ доставленной отъ васъ собственноручной запискѣ покойнаго графа И. В. Завадовскаго, состоявшаго также въ числѣ попечителей, что на сіе новое пожертвованіе воля Судіенка дѣйствительно была и способы къ исполненію сей воли, судя по извѣстной обширности оставшагося имущества, вѣроятно, остались, я нахожу, что обстоятельства сего нельзѧ оставить безъ вниманія»²⁾. Началось разслѣдованіе дѣла, продолжавшееся пять лѣтъ. Предписаніе о дознаніи получилъ черниговскій губернаторъ, который, въ свою очередь, предписалъ заняться этимъ дѣломъ дворянскимъ опекамъ въ Стародубѣ и Новгородѣ-Сѣверскомъ, а эти послѣднія запросили настѣнника, штабс-ротмистра Судіенка, жившаго въ Москвѣ. Занялась этимъ дѣломъ и Черниговская палата гражданскаго суда. Словомъ, работа закипѣла, а въ результатѣ ничего не вышло. Черниговская палата представила черниговскому губернатору обстоятельный докладъ³⁾, въ которомъ помѣщалъ и отвѣтъ Судіенка.

Судіенко писалъ, что «до нынѣшнаго времени не имѣлъ не только письменнаго, но даже и приватнаго свѣданія». Да же онъ сообщилъ, что попечители, «отдавая ему имѣнія по завѣщанію, ни слова не упомянули и нигдѣ въ бумагахъ не показали сихъ вновь яко бы пожертвованныхъ оныхъ Судіенкомъ ста тысячъ рублей; забыть имѣть о столь важной суммѣ невозможно было, тѣмъ паче, что онъ, воспитываясь безотлучно при лицѣ одного изъ нихъ, Якова Ивановича (т. е. кн. Лоба-

¹⁾ Дѣло, стр. 192 и 193.

²⁾ Дѣло, 7-го марта, 1833, л. 120.

³⁾ Дѣло, л. 173—182.

кова-Ростовского), зналъ, можно сказать, всѣ дѣйствія по управлению завѣщаннымъ ему имѣніемъ. Онъ не только въ малолѣтствѣ былъ благодѣтельнымъ наставникомъ, но и во время службы его не оставлялъ его своимъ покровительствомъ, а потому можно-ли думать, что онъ умолчалъ о важной обязанности, которую предложало ему исполнить, если бы подлинно сія обязанность утверждена была какимъ-либо согласіемъ Осипа Ивановича (т. е. покойного Судіенка). Въ заключеніе Судіенко просилъ опеку прислать ему всѣ бумаги по этому дѣлу, чтобы онъ огъ представить возраженіе «основательнымъ образомъ». Конечно, получить эти сто тысячъ на основаніи одной только записки покойного Завадовского нельзя было, главнымъ образомъ, потому, что завѣщаніе покойного Судіенка было изустное. По закону 21-го марта 1823 года словесныя духовныя завѣщанія, или такъ называемыя изустныя памяти вовсе уничтожались, и впредь было повелѣно не принимать ихъ ни въ какое уваженіе. На этотъ законъ и опирался Судіенко и просилъ опеку «оказать ему законное покровительство къ сгражденію его спокойствія и оградить его отъ такого платежа силою законовъ». Черниговская палата такъ и поступила; она рѣшила «увольнить штабс-ротмистра Судіенка отъ платежа сихъ денегъ, буде самъ добровольно не по желаетъ внести ихъ». Но Судіенко не пожелалъ этого сдѣлать.

Графъ Блудовъ, а также и главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями графъ Толь очень интересовались ходомъ этого дѣла. Въ управлении путей сообщенія были составлены архитекторомъ Мельниковымъ новые планы устройства храма, одинъ въ 445 т., а другой въ 341 т. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, графъ Толь просилъ графа Блудова о новомъ разсмотрѣніи дѣла обь этихъ ста тысячахъ. Харьковскій, черниговскій и полтавскій генераль-губернаторъ уведомилъ, что въ дѣлахъ никакихъ слѣдовъ о новомъ пожертвованіи Судіенка нѣть, что деньги не были переданы, и производство нового разслѣдованія бесполезно. Наслѣдникъ покойного Судіенка «почти рѣшительно отвергаетъ, — писалъ онъ, — изустную волю завѣщателя тѣмъ, что попечители надъ имѣніями сего послѣдняго никогда ему обь оной не объявляли, ни лично, ни словесно (sic)». Графъ Толь согласился съ этимъ отзывомъ генераль-губернатора. Да и захотѣлъ бы Судіенко дать эти 100 тысячъ, когда онъ не сочувствовалъ волѣ своего благодѣтеля, пожертвовавшаго капиталъ на постройку храма? Это видно изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1836 году Михаилъ Судіенко, бывшій въ это время въ отставкѣ, подалъ харьковскому, черниговскому и полтавскому генераль-губернатору гр. В. В. Левашову прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ, чтобы сто тысячъ, пожертвованныя покойнымъ Судіенкомъ, съ наросшими процентами, были обращены «на устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы изъ получаемыхъ процентовъ капитала сего вос-

патьвать нѣсколько человѣкъ кадетъ изъ бѣдныхъ дворянъ Черниговской и Полтавской губерній и воспитанниковъ именовать «воспитанниками тайного советника Судіенка». Графъ Левашовъ, получивъ это прошеніе, отправилъ черезъ черниговскаго губернатора, для передачи Судіенку, кошю бумаги, полученной кн. Репниннымъ въ 1831 г. съ отвѣтомъ императора Николая I на просьбу его обратить капиталъ Судіенка на «устроеніе Полтавскаго кадетскаго корпуса»¹⁾). Какъ сказано выше, отвѣтъ былъ слѣдующій: «Это было бы несправедливо».

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ очеркъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ нами изъ архива Полтавскаго губернскаго правленія.

Настоящее дѣло интересно и съ другой стороны. Оно точно указываетъ цѣль пожертвованія покойнаго Судіенка. Хотя мы и читаемъ въ реєстриктѣ императора Александра I о желаніи Судіенка воздвигнуть «памятникъ съ церковью», но дальнѣйшая переписка объ устройствѣ этого храма указываетъ вполнѣ точно, что Судіенко желалъ устроить только храмъ.

Изъ дѣла видно также, что Судіенко не желалъ устройства инвалидного дома на Шведской могилѣ. Надо сказать, что до сей поры держится преданіе объ этомъ. Въ духовномъ завѣщаніи Судіенка, которое нами найдено въ архивѣ (до сей поры оно не было известно), нигдѣ не находится упоминанія объ этомъ²⁾). Намъ могутъ возразить, что, быть можетъ, было другое завѣщаніе, какъ это нерѣдко бываетъ, и послѣднее, въ такомъ случаѣ, имѣть законную силу. Но въ архивномъ дѣлѣ мы нашли актъ о передачѣ имущества въ 1827 году наследнику, штабс-ротмистру Судіенку, гдѣ и приведено цѣликомъ это духовное завѣщаніе, на основаніи которого состоялся актъ передачи имущества покойнаго I. Судіенка³⁾.

Такимъ образомъ, не подлежитъ нынѣ сомнѣнію, на основаніи этихъ данныхъ, что желаніе Судіенка построить инвалидный домъ должно отнести къ области преданій.

Происхожденіе этого преданія слѣдующее. Въ 1809 г., какъ мы видѣли, кн. Лобановъ-Ростовскій вошелъ съ проектомъ устройства храма на Шведской могилѣ. Но императоръ Александръ I, озабоченный устройствомъ инвалидныхъ домовъ въ Россіи, пожелалъ устроить такой домъ на Шведской могилѣ. Желаніе императора народная молва смѣшила съ желаніемъ Судіенка.

На основаніи разсмотрѣнныхъ нами матеріаловъ мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

¹⁾ Дѣло, л. 263 и 264.

²⁾ Дѣло, лл. 231—239.

³⁾ Дѣло, тамъ же.

1) Забота о построении храма на Шведской могилѣ на капиталъ Судіенка занимала мѣстную администрацію и правительство вскорѣ послѣ смерти завѣщателя, а не начиная съ 1840-хъ годовъ, какъ думали до сей поры.

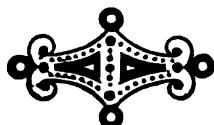
2) Переписка о построениі храма ясно указываетъ на волю покойнаго Судіенка — построить на могилѣ только храмъ, а не памятникъ.

3) Желаніе Судіенка построить на Шведской могилѣ инвалидный домъ есть преданіе. Изъ духовнаго завѣщенія Судіенка ясно видно, что такого желанія у Судіенка не было.

На капиталъ Судіенка, по инициативѣ послѣдняго черниговскаго, харьковскаго и полтавскаго генераль-губернатора Коваличина, построенъ былъ на Шведской могилѣ храмъ и освященъ въ 1857 году. Этотъ храмъ существовалъ до конца прошлаго столѣтія, когда онъ былъ вновь передѣланъ на толь же капиталъ, переданный въ 1890 году, по высочайшему повелѣнію, въ вѣдѣніе Святѣйшаго Синода ¹⁾

И. Фр. Павловскій.

Полтава.

¹⁾ См. нашу статью „Шведская могила“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1895 г. и нашу книгу: „Полтавская битва и ея памятники“ (2-е изданіе).